

Как оказалось, будь он гриффиндорцем, то ему пришлось бы туго, особенно на уроках зельеварения. За прошедшие уроки Гарри понял, что Снейп сильно недолюбливает факультет львов. Теплые отношения с однокурсниками у мальчика так и не сложились. Конечно, был Блейз, с которым он проводил много времени, но вряд ли это можно было бы назвать дружбой. Скорее, они были хорошими знакомыми. Более того Гарри понял, что на Слизерине ничего не бывает за просто так. Блейз охотно делился слухами или какой-то информацией, но и сам хотел узнавать что-нибудь взамен. Или начинал просить помогать ему с уроками. Гарри волей-неволей пришлось рассказывать о себе, о своей жизни в мире маглов, изрядно приукрашивая или меняя факты. Ему не хотелось, чтобы гордые и независимые слизеринцы знали о том, как он жил у Дурслей. Как слуга работал по дому, а спал вообще в чулане. Если они об этом узнают... Это спустит в унитаз все их опасения по его поводу, а репутация Гарри упадет ниже плинтуса.

Злость на Дурслей удушающей волной поднялась в нем. Это они виноваты, что он жил так, именно они скрывали от него правду о волшебном мире! А теперь ему приходится обманывать, придумывая своё несуществующее прошлое, в нормальной семье, внутренне трясясь от страха при мысли, что его поймут на лжи или нестыковках в его рассказе. Он станет как старшекурсница Лиз, которую ни во что не ставил не только её класс, но и добрая половина Слизерина, и которая была на побегушках у старосты, да и не только у неё. А уж какие оскорбления для него придумает Малфой! Поэтому он будет держать рот на замке, рассказывая только то, что не навредит ему. Сейчас все приглядываются к нему, составляя своё мнение. Даже тот же Забини, расспрашивающий о всяких подробностях жизни Гарри. Хотя о своей семье Блейз ведь тоже рассказывал довольно-таки скупое, хотя и обмолвился, что отец его давно умер, а живёт он с матерью. Это подкупало Гарри, потому что у него не было родителей и он считал, что Блейз в чём-то понимает его. Может, его отца тоже убили тёмные маги? Мальчик как-то стеснялся спрашивать об этом своего приятеля.

Вечерами ребята устраивались вместе и делали домашние задания. Гарри иногда думал, что Малфой просто не принимал Забини в свою компанию или, что Блейз слишком независимый и не хочет попадать под влияние блондина, которое тот бесцеремонно пытался распространить не только среди их одноклассников, но и на другие курсы. Хотя, по какому критерию отбирал друзей Малфой, оставалось загадкой.

Факультет жил своей жизнью, однако, когда Гарри чувствовал на себе чьи-нибудь взгляды, создавалось впечатление, что все чего-то от него ожидают. Будто в любой момент Поттер мог превратиться в Тёмного Лорда или проклясть окружающих. А может, у Гарри просто разыгралась паранойя?

В доме Слизерина, прямо перед выходом из гостиной, висела доска объявлений. Круглая, с некоторыми потёртостями от постоянного использования и кучей различных листков. В пятницу после сытного ужина однокурсники Гарри заметили на ней большой и явно официальный лист, который сразу выделялся на фоне остальных. У первокурсников во вторник будут полёты! На метлах! Эта новость сразу лишила слизеринцев покоя на все выходные.

Сегодня вторник, значит, у Гарри Поттера будет первый урок полётов на метле. К слову сказать, научиться летать было бы чудесно, однако его пугала мысль о том, что придётся учиться этому прямо перед Малфоем. Блондин же за завтраком рассказывал Нотту и всем желающим о том, как он превосходно держится на метле. Гарри уже порядком надоело

выслушивать все эти истории в выходные, но высказывать свое мнение он не торопился, постепенно привыкая к тому, что на него не обращают внимания. В школе с Дадли было куда хуже.

Хотя бесконечные разговоры про квиддич порядком набили ему оскомину за пару дней. Ещё в прошлую субботу Гарри разжился в библиотеке книгой по контрзаклятиям и защите от сглазов, которую ему рекомендовала суховатая и строгая библиотекарь мадам Пинс. Тот учебник по защите от Тёмных искусств, что он купил в Косом Переулке, его не удовлетворял. В нём не было ничего такого, что помогло бы защитить себя в случае чего. Неожиданно в библиотеке оказалась и Грейнджер. Девочка сидела одна, обложившись книгами, и что-то сосредоточенно записывала в толстой тетради. Гарри почувствовал глухое раздражение. Эта девочка на уроке зельеварения так стремилась дать ответ на вопросы его декана, что аж подпрыгивала на своём стуле, а ведь её никто даже не спрашивал! А он стоял и твердил, что не знает ничего, как дурак. Как и на уроке, она сидела совершенно одна. Гарри вдруг отчетливо осознал с кристальной ясностью, что та явно не нашла друзей на своём факультете из-за своего несносного характера, который она ярко продемонстрировала ещё в поезде. Развернувшись, он отправился обратно в гостиную. Про Азкабан, который упомянул Снейп в гостинной факультета, у библиотекаря он спросит в другой раз. Не хотелось ему позориться перед этой всезнайкой вопросами, на которые все знают ответы, кроме него.

Устроившись в удобном кресле, он начал листать страницы книги, стараясь не слушать рассказы однокурсников про их крутые приключения верхом на метле. Хотя не слушать было невозможно. Больше всех рассказывал Малфой, сбиваясь, иногда тараторя и забывая свою манеру говорить медленно и высокомерно. Однако и другим было что сказать. К удивлению Гарри, даже неразговорчивый Пайк рассказал про то, как он добирался с просто невероятными приключениями на метле к своему дяде, который жил где-то очень далеко, а все внимательно слушали. В итоге Гарри и сам отложил книгу и стал слушать вместе со всеми, наблюдая за говорившими.

Изначально, Гарри полагал, что Драко мало чем напоминает Дадли, но чем больше он наблюдал за ним, тем больше приходилось признавать, что с Дурслем-младшим у блондина всё же есть общие черты характера. Несмотря на то, что Малфой не бьёт беззащитных и девочек, ведёт себя куда более изысканно и отличается большей сообразительностью, чем Дадли, Гарри чувствовал, что есть что-то похожее между ними. Хотя худощавого Малфоя, которого Гарри прозвал про себя хорьком, так как он чем-то напоминал ему это животное, и жирного, похожего на свинью, Дадли было сложно поставить в один ряд, ведь более разные внешности и представить сложно, но Гарри видел, что они оба эгоисты до крайности, которым плевать на других. Он понял, что страх Малфоя — это быть не в центре внимания, быть не оригинальным. Даже его птица была не сова, как у всех, а филин. И Малфой с огромным удовольствием, получая письма во время завтрака, жалел тех, кому утром почты не пришло. Гарри знал, что эти уколы направлены в его сторону, но никак не мог отреагировать. Что поделаешь, если у него нет никого, кто ему бы написал?

Погода во вторник была замечательной для полётов. Ветра почти не было, грело солнце, возвращая ученикам крохотные дни лета. Гарри с остальными пришлось стоять и ждать опаздывающих гриффиндорцев, вместе с которыми проходило занятие. Урок проводила мадам Трюк. У неё был командный голос, и она напоминала Гарри его школьного учителя по физкультуре.

— Вытяните руку и скажите «Вверх»! — скомандовала мадам Трюк, оглядывая всех учеников.

Студенты Гриффиндора и Слизерина стояли друг напротив друга. Одновременно вытянув руку, десятки юных магов крикнули:

— Вверх!

Гарри сразу поймал в руки метлу, ощущая с ней некое единение. У большинства учеников не было успехов. Метла Блейза лишь слегка поднималась над землёй, Пайк явно нервничал и отдавал команды дрожащим голосом, а его метла лежала совершенно неподвижно. У слизеринок тоже особых успехов не наблюдалось. Гарри радостно улыбался, ощущая в руке жёсткий черенок метлы. Несмотря на все разговоры в гостиной, на всё их хвастовство, никто не смог призвать метлу, а у него получилось с первого раза! Кстати, а как там хвастун-хорёк справляется? Покрутив головой и найдя Малфоя, Гарри с раздражением увидел, что тот тоже держит метлу в руке. Он победно улыбался, с превосходством глядя на остальных, но наткнувшись взглядом на Гарри с метлой в руке, не смог сдержать удивленный возглас. Гарри очень старался сдержать улыбку и распирающий смех, увидев гневное выражение одноклассника. В конце концов, послушав рекомендации профессора, все смогли поднять мётлы. Затем Трюк показала, как правильно садиться на метлу и держаться, чтобы не упасть во время полёта. И в пух и прах раскритиковала то, как сидит на метле Малфой. Слушая её причитания о том, что тот не умеет сидеть на метле, и оправдания блондина, Гарри всё же не смог сдержать улыбки, переглядываясь с Забини и Ноттом. Первый ему в ответ подмигнул.

Закончив проверять остальных, Трюк оглядела ряды учеников.

— Великолепно! — радостно произнесла профессор, при этом не теряя командного тона. — Сожмите метлу двумя ногами... Долгопупс?

Невилл резво поднимался в воздух, явно не управляя полетом, а затем, не удержавшись на метле, рухнул на землю. Профессор бросилась к нему, на ходу доставая палочку. Пока та что-то колдовала над рукой ученика, ученики взволнованно перешептывались. Мадам Трюк резко распрямилась, отряхивая грязь с мантии, а затем, развернувшись, повела его в медпункт, бросив на ходу остальным:

— Я отведу его в больничное крыло, а вы ждите меня и ничего не делайте. Метлы оставьте на земле. Тот, кто в моё отсутствие дотронется до метлы, вылетит из Хогвартса быстрее, чем успеет сказать слово «квиддич».

Гарри было жалко неуклюжего гриффиндорца. Часто ему доставалась от Дадли, и он знал, что такое боль. При этом Долгопупс упал с немалой высоты.

Внезапно Малфой расхохотался. Гарри в недоумении уставился на него.

— Вы видели его физиономию? Вот неуклюжий — настоящий мешок!

Гарри с изумлением заметил, что остальные слизеринцы присоединились к смеху Малфоя. Профессор Трюк была уже далеко и не могла их услышать.

— Заткнись, Малфой, — оборвала его Парвати Патил, миловидная гриффиндорка с индийскими чертами лица. Хотя сейчас её лицо неприятно исказилось в гневе.

— О-о-о, ты заступаешься за этого придурка Долгопупса? — спросила Паркинсон. — Никогда не думала, что тебе нравятся такие толстые плаксивые мальчишки.

Гарри был на стороне Патил. Малфой просто изнеженный мальчик, неспособный на сочувствие. Вот, если бы Хорёк был на месте Невилла, то небось рыдал вдвое громче, зовя своего папочку. Но свои мысли Гарри благоразумно оставил при себе.

— Смотрите! — крикнул Малфой, метнувшись вперёд и поднимая небольшой шарик с земли. — Это та самая дурацкая штука, которую прислала ему его бабка.

Воцарилось молчание, все смотрели, как шарик ярко сверкает, отражая солнечные лучи.

— Лучше отдай её, Малфой, — вдруг произнес Рон. — Я верну его Невиллу.

Все замерли и повернулись к нему. Рон немного побледнел, но ещё решительнее сжал губы, не отрывая взгляда от Малфоя, который открыто ухмылялся.

— Да ну, Уизли? А я вот думаю, что ты хочешь её продать кому-нибудь, выручить для себя пару сиклей. Давай-ка я положу её куда-нибудь, чтобы Долгопупс потом мог достать ее, — например, на вон то дерево.

— Не смей! — заорал Уизли, бросившись к Малфою, но тот уже вскочил на метлу и взлетел на высоту пятиэтажного дома. Девочки дружно вздохнули то ли от испуга, то ли от восхищения.

— А ты отбери её у меня, Уизли! — заорал он. Гарри судорожно вздохнул, наблюдая, как Рон в свою очередь хватается метлу, отмахиваясь от кудрявой всезнайки, и взлетает к Малфою под испуганные крики остальных гриффиндорцев.

Гарри хотелось тоже взмыть туда. «Он мне больше не друг», — успокаивал сам себя Гарри, хотя воспоминания о рыжеволосом веселом мальчике наводили грусть. Он вспомнил про обезоруживающее заклинание, о котором прочёл в книге. В случае боя с волшебником (Гарри представлял Малфоя, для защиты от которого он вообще читал эту книгу), полагалось применить эти чары для самозащиты, направив свою палочку на противника и вырвать у того палочку из рук. А без неё волшебник уже не представлял опасности. Но дальше автор расписывал, что так можно отобрать любой предмет у волшебника. Главное чтобы тот был у него в руке. Само заклинание Гарри ещё ни разу не практиковал. Он мог бы сблизиться с Малфоем и обезоружить его, а шар прилетит к нему.

Если бы он был там наверху...

Гарри шагнул к своей метле, но новый дружный испуганный крик заставил его резко задрать голову. Оба мальчика резво неслись к земле, словно пытаясь её протаранить. Гарри заметил шарик, к которому тянулся Рон. Понятно, Малфой или выбросил шарик, или, возможно, просто уронил, а Рон пытался поймать его, но не успевал. С дрызгом шарик упал на землю и разлетелся веером осколков. В след за ним в землю врезался Рон, с треском сломав метлу.

А Малфой уже приземлился среди слизеринцев, победно улыбаясь. Гарри весь замер от гнева. Лучше было просто не вмешиваться, но...

— ЧТО ТУТ ТВОРИТСЯ?!

Гарри резко обернулся. К ним бежала профессор МакГонагалл. Краем глаза мальчик заметил, как Малфой прячется за широкой спиной Гойла, отбрасывая метлу подальше от себя. Но профессор, не обращая внимание на остальных учеников, добежала до лежащего Рона, упала на колени и начала ощупывать его, водить палочкой, что-то бормоча. Затем наколдовала носилки и уложила на них мальчика. Развернувшись к ученикам, профессор взмахом палочки отправила все метлы в сторону чулана, где те обычно хранились между занятиями.

— Урок закончен, возвращайтесь в замок, — отрывисто приказала женщина, ведя перед собой носилки и быстро шагая вслед за ними.

Гарри провожал её взглядом, надеясь на то, что Рон не сильно пострадал.

Из раздумий его вывел голос Малфоя:

— Гриффиндорцы словно тюфяки, вообще на метле держаться не умеют и падают вниз одним за другим, как перезревшие яблоки.

Вперёд выступила Грейнджер, её лицо побледнело от гнева.

— Как тебе не стыдно, Малфой! Ведь из-за того, что ты первым нарушил правила, пострадал Уизли.

— Он пострадал потому, что он глуп с рождения и не умеет держаться на метле, заучка, — Малфой злобно ухмыльнулся, обводя взглядом поредевшие ряды гриффиндорцев. — Впрочем и остальные грифы точно такие же.

Двое мальчиков-гриффиндорцев шагнули к Малфою, с гневно сверкающими глазами, встав по бокам от Грейнджер. Тут же к Малфою шагнули остальные слизеринцы, а Крэбб с Гойлом встали перед ним. Без Рона и Невилла численное превосходство у слизеринцев было подавляющим. Гриффиндорцы это поняли и отступили на шаг.

Слизеринцы рассмеялись. Паркинсон издавала громкие визгливые звуки, а Дэвис хихикала в ладошку.

— То-то же, грифы, знайте своё место, — ликующим голосом воскликнул Малфой и нашёл взглядом Поттера, что стоял немного сбоку, рядом с Забини и Дэвис. Его глаза злобно сощурились. — Поттер! Что, небось расстроился, что твой нищий друг пострадал?

Дэвис отступила от него на шаг. В Гарри впились глазами как хмурые гриффиндорцы, так и прекратившие смеяться слизеринцы. Ну да, Рон Уизли его друг. Был. Неужели Малфой заметил, как Гарри хотел ему помочь? Как же плохо. Если он сейчас открыто выступит против Малфоя, которого поддерживает весь курс слизеринцев, то они все ополчатся против него. Этого нельзя допустить!

— Ты что-то путаешь, Малфой, — ощущая сухость во рту из-за того, что на него смотрят десятки глаз, но стараясь говорить уверенно, отозвался Гарри. — У меня нет друзей среди гриффиндорцев.

Ну да, ведь и вправду нет друзей у него на Гриффиндоре. А то, что у него нет друзей вообще, — это не существенная мелочь.

Гарри усмехнулся:

— А ты правду говорил в гостиной — ты действительно хорошо летаешь. Ладно, пошли отсюда, пока МакГонагалл опять не примчалась и не сняла баллы за драку.

Развернувшись, Гарри потопал к замку. А сзади за ним слышались шаги слизеринцев. Его класса.

Октябрь уже подходил к концу, а на смену тёплому солнцу пришли холодные ветра и дожди. Приближался Хэллоуин. А в школьных коридорах становилось холоднее. По утрам так не хотелось вылезать из тёплой кровати и идти на занятия. В один из таких дождливых дней Гарри встретил Хагрида в коридоре.

— Привет, Хагрид, — осторожно поздоровался мальчик.

— А... Гарри... Это ты, — глаза Хагрида, некогда добрые, сейчас глядели на галстук Слизерина пустым взглядом, словно не видя за ним лица мальчика. — Прости, я занят.

— Может, я приду к тебе попить чай? — спросил Гарри, решив всё же проявить настойчивость.

Заметив, как фальшиво натянул улыбку Хагрид, Гарри задержал дыхание.

— Чай? Ну... У меня эта... Дел много... Может, эта... В другой раз, — не сказав больше ни слова, Хагрид прошёл мимо Гарри.

Слизеринец так быстро, как только мог, спустился в подземелье и, сказав нужный пароль, бросился в свою комнату. К счастью, в гостиной никого не было. Закрыв свою комнату на ключ, Гарри дал волю слезам. Горячие капли падали на пол, оставляя на щеках мокрые дорожки. Разговор с Хагридом показал ему, что и он совершенно не желает с ним общаться. А из-за чего? Он же ничего не сделал!

Гарри ударил рукой в стенку, слегка разбивая костяшки рук. Истерика нахлынула с новой силой, когда мальчик вспомнил о Роне.

После того происшествия тот всего лишь день пролежал в больничном крыле, а Долгопупса выписали ещё раньше. За этот проступок и сломанную метлу Рона отстранили от занятий по полетам и назначили взыскание. Малфой никакого наказания не понёс. То, что это серьёзная утрата для Рона, Гарри понял лишь тогда, когда сам взлетел на метле на втором занятии по полетам. Их с гриффиндорцами благоразумно разделили, перенеся занятия для последних на другое время. Поэтому само занятие прошло без происшествий. А Гарри, взлетая вверх, понял, что такое счастье. Никаких проблем, лишь ты и свобода, которой ты сам управляешь, поворачивая метлу. Его в чувство привёл лишь крик Трюк о том, что занятие закончено. Для него часовое занятие пролетело в один миг. Гарри с огорчением слез с метлы и горько пожалел, что первокурсникам нельзя иметь собственные метлы и летать в свободное от уроков время.

На урок зелий после разговора с Хагридом Гарри не пришёл. Просто не смог. Ему не хотелось, чтобы кто-то видел его слабость, боль. Ужин тоже благополучно пропустил.

В дверь громко постучали. Казалось, вот-вот и она слетит с петель. Пробудившись от сна, в который он иногда проваливался, Гарри глянул в зеркало, из которого на него смотрел бледный растрепанный мальчик.

— Где ты был? — сразу, без всякого приветствия, начал Блейз. — Тебя искал Снейп. Он будет ждать тебя в своём кабинете...

— Спасибо, Блейз, — пробормотал Гарри. Он не желал посвящать кого-то в свои проблемы. — Я подойду к декану, — и захлопнул дверь.

Снейп встретил его, придирчиво прокомментировав то, что Гарри спрятал руки в карманах мантии, скрывая ссадину на правой, что это не подобает студенту его факультета. Но Гарри было всё равно. Снейп рассматривал то шрам, то ссадину на руке, а затем вдруг ухмыльнулся.

— Видимо, мистер Поттер, одного шрама вам стало мало. Стало быть, хотите ещё один? —

сарказм сочился через тихий голос, Гарри заставлял себя смотреть в глаза. — Вы не пришли на мой урок.

— Да, сэр.

— Это не вопрос, Поттер! — рыкнул Снейп. — Где вы были? Красовались этим синяком перед поклонниками?

— Нет, сэр. Просто неудачно упал. Извините, сэр, что пропустил занятие. Я плохо себя чувствовал, поэтому решил не идти. Невнимательность на вашем уроке может привести к расплавленному котлу, а мне не хотелось повторять судьбу Долгопупса.

Удивительная вещь. Соглашаясь с другими или говоря то, что от него ждали, он мог позволить себе ничего не рассказывать другим, что избавляло почти от всех проблем. Ложь спокойно лилась, а Гарри совершенно не чувствовал уколы совести. Он сильный. Другие не выживают на Слизерине.

Снейп, кажется, не ожидал такого ответа. По крайней мере, нахмурившись, сверлил взглядом.

— Сэр, я могу идти? — поинтересовался слизеринец.

Ответом было молчание, а затем, тихое, но хорошо слышное «свободны».

Гарри быстрым шагом покинул кабинет, направляясь к себе. Ему было странно, что он переживал из-за Уизли и лесника, пытался с ними поговорить или даже навязать своё общество. Теперь ему это было совершенно не нужно.

<http://tl.rulate.ru/book/52529/1321778>